

ШЕС

ШаМаШ БраМиН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ШаМаШ БраМиН

ПЕС

«ЛитРес: Самиздат»

2020

БраМиН Ш.

ПЕС / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Проект «ПЕС» развернули в Первом Управлении МГБ СССР сразу после войны, в 1946. Это был эксперимент по трансмутации человеческого сознания, основанный на древнем учении о реинкарнации и переселении душ. К ужасу участников рискованный опыт провалился, и последствия оказались катастрофическими. Настоящие масштабы бедствия проявляются через несколько поколений, грозя всему человечеству. Последний шанс на спасение мира выпадает майору госбезопасности, тов. Птахе. Чудом удержавшись на грани, контрразведчик пытается решить сложную задачу. И полагаться тов. Птаха может только на себя. Кроме всего прочего, планы майора бесцеремонно путает другая загадка – загадка любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

За окном хулиганила сирень. Нагло распластавшись по палисаднику, хамски игнорировала попытки местных романтиков оборвать себя на букеты. Фантастический запах будоражил округу. А в школе, под окнами которой безобразничал куст, сирень сбивала, или наоборот, настраивала, юных художников на творческий лад.

– Есть вещи, не обязательно материальные, – не спеша рассказывал ученикам Юрий Евгеньевич, – иногда чувства, ощущения или запахи, – он глубоко вдохнул чарующий запах весны, – который невозможно передать, ни кистью, ни пером, ни даже фотоаппаратом. Художник, каким бы инструментом не пользовался, передает впечатления. Всего лишь впечатления.

Ученики работали над натюрмортом: глиняный кувшин, гроздь винограда и яблоко на железной фруктовнице. Потертые муляжи торжественно восседали на столике в углу класса-студии. Фоном служила бордовая штора. В классе было тихо, и меланхоличный, голос преподавателя казался оглушительно громким.

– Серёжа, аккуратнее с контурами. Ляпаешь как ...

Учителя перебил скрипучий визг распахнувшейся двери. От неожиданности некоторые из учеников вздрогнули. Класс повернул головы к ворвавшейся директрисе.

– Юра! – раздраженно крикнула женщина, но, уловив любопытные взгляды учеников, продолжила уже на тон ниже. – Зайди ко мне.

Гайанский растеряно осмотрел класс, деликатно намекая – у него урок.

– Прямо сейчас, – не уступала начальница.

Юрий Евгеньевич послушно прошел к выходу. С десятков пар глаз сочувственно проводили до дверей сутулый силуэт учителя.

– Юра, какого хрена? – начала женщина, как только закрылась дверь. По беспокойным карим глазам и часто колыхающимися бьюсту, было заметно – ее распирало от возмущения. Распирало так сильно, что не хватило терпения дойти до директорского кабинета.

Гайанский недоуменно хлопал глазами. Худое, продолговатое лицо вытянулось еще больше, а густая, неопрятная копна черных волос встала дыбом. Он никогда не отличался смелостью, а напор директрисы вызывал панику. Он инстинктивно отступил на полшага, еще больше ссутулившись, подсознательно пытаясь уменьшить высоту долговязой фигуры.

– Ты опять за старое? – распекала его директриса. – Мне из департамента звонили. Только что. Опять письма пишешь? Тебе прошлого раза мало?

– Светлана Борисовна, а что в этом такого? – приходил в себя мужчина. – Я всего лишь обратился за помощью с организацией ...

– Да кому интересна твоя выставка? – перебила его женщина. – В прошлый раз ясно сказали: твоя мазня никому не нужна.

– Светлана Борисовна, при всем уважении, но не вам решать ...

– Мне, дорогой, мне решать. В тот раз я за тебя отдувалась, – снова перебила начальница. – Ты самоутверждаешься, а меня проверками чихвостят. Мы же договорились: без меня никаких движений.

– Светлана Борисовна, – Гайанский предпринял очередную попытку, – наши служебные отношения ограничиваются моим преподаванием в этой школе. Все что касается моего творчества, вас не должно тревожить.

– Еще как должно! – почти крикнула женщина. – Ты понимаешь что твое, как ты сказал «творчество», оскандаливает весь город. И страну. А про школу я вообще молчу. Как ты себе представляешь, автор «Пидорократии», прости меня господи, преподаватель детской школы искусств? Чудо что меня, и тебя заодно, до сих пор не уволили. А то и того хуже!

– Светлана Борисовна, у нас свободная страна и каждый имеет право на ...

– Юра! – резко осадил его директриса. – Засунь свои права в ... сам знаешь куда. Во всяком случае, пока государство платит тебе зарплату. Хочешь рисовать голых депутатов – увольняйся.

Гайанский промолчал. Действительно, пьяная гомосексуальная оргия в зале заседания парламента, да еще на фоне триколора была перебором. Хотя картина получилась весьма живой, по цветам, композиции, исполнению. Как в жизни. Лица депутатов были скрыты под детсадовскими масками зайчат, лисят, поросят. Но это не делала их достаточно не узнаваемыми. Спикер, в маске медвежонка, стоял у трибуны, наклонившись. Руками он раздвигал собственные жирные ягодицы. За ним, с недвусмысленно запрокинутой в оргазме головой, застыл карлик в маске Дед Мороза, больше напоминающего Зевса. Остальные народные избранники мужелоствовали по всему залу, расположившись на столах, стульях, даже на полу. Две женщины, с морщинистым, целлюлитными телами, лежали в позе 69 на длинном столе президиума. Лиц их не было видно. Одно утонуло в промежности жирных ляжек. Второе пряталось за острым артритным коленом. На полу, под столом, развлекались маски ежа и бегемота. Нормы приличности, по мнению художника, были соблюдены. На картине отсутствовали изображения половых органов. В этом тоже был некий смысл, авторский замысел. В общем разврате и гнусности, соблюдалась внешняя респектабельность. Одетыми оставались только репортеры, изображенные на своей журналистской площадке в левой стороне зала. Они, с камерами и микрофонами, обыденно снимали происходящее. В картине не было ничего карикатурного. Фигуры, манера, колористика больше напоминали античность, исполненная во времена ренессанса.

– Но есть и другие работы, – после паузы сказал художник.

– Какие? «Бухой шпалоукладчик»? Или эти ... как их ... с бомжами?

– Да нет же, – попытался закрепить Гайанский, – городские пейзажи – серия, «Осенняя меланхолия» ...

– Нет, Юра, – отрезала директриса, – категорически. Ты вообще знаешь, что мне сказали господа из департамента?

– Можно подумать, если я учитель в детской школе, могу рисовать только младенцев, горшки и паровозики.

Начальница не обратила внимание на реплику, и ответила на собственный вопрос:

– Мне сказали, что моя школа не прибежище для неудачников. И перед тем как впускать в класс к детям слепого художника извращенца мне следует хорошо подумать.

Юрий Евгеньевич потерял дар речи. «Слепой художник» – так его никто не оскорблял.

– И еще, Юра, на чистоту, – директриса выдержала многозначительную паузу, – как художник художнику. Работы реально отстойные. У тебя черно-белое восприятие мира. Ты не видишь сок цвета, поэтому получаются мультики. Брось. Учить ребят у тебя лучше получается.

Гайанский смотрел в стену, мимо начальницы. Обида горьким комком встала поперек горла. Огромный кадык судорожно двигался на худой шее в такт желвакам, танцующих на острой челюсти.

– Без обид, – миролюбиво продолжила Светлана Борисовна, уже пожалев, что слишком резко обошлась со своим подчиненным. – Давай, иди в класс, надо работать.

Светлана Борисовна, по сути, была доброй женщиной. С отзывчивым и сочувствующим сердцем. По-человечески она понимала, что не права. Что такие ранимые и, наверно, талантливые люди как Гайанский не воспринимают рамки формальностей и норм. Цензура, а именно так она про себя называла отношение департамента, убивает их. В такие моменты, она ненавидела свою должность. С трудно скрываемой горечью начальница смотрела на подчиненного.

Учителю потребовались долгие минуты, чтобы собраться и вернуться в класс. Весь мир обрушился на него войной. Вся жизнь Гайанский старался никому не мешать, ни делом, ни словом. Такой у него был характер. Теперь же, когда он нашел, как ему казалось, безобидный способ высказать накопившееся, дать волю пережитому, выпустить творческий пар, оказалось,

он «слепой художник». «Из нейтрального нуля я превратился в отрицательный ноль» – с обидой думал он, анализируя свои попытки, поделится своим видением вещей. Как соннула, он потянул за ручку, открыл дверь и прошел к учительскому столу. Сел. «Я даже не могу назвать себя непонятым художником! Меня просто никто не видел. Я ноль!» – продолжал он самоистязание. Дрожащими длинными пальцами, нетерпеливо ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Душно. В полусне он прошел к окну.

– Юрий Евгеньевич, не надо окно открывать, – попросила рыженькая Любочка, улыбаясь девочкой лет десяти.

– Что? – пробудился Гайанский. – Почему не открывать?

– С улицы пахнет. Нехорошо, – сказал высокий мальчуган, разбавляя что-то на палитре.

– Вам не нравится запах сирени?! – удивился учитель. – Дети цивилизации ...

Распахнув окно, Гайанский глубоко вздохнул. Вместо свежего аромата весны в легкие ворвалась жгучая вонь углекислого газа. Прямо у окна, наехав на куст, стоял «паркетный» внедорожник с работающим двигателем.

– Уважаемый! Уважаемый! – негромко крикнул учитель. – Уважаемый!

Сидевший за рулем водитель, либо действительно его не слышал, либо игнорировал.

Гайанский захлопнул окно и направился к выходу:

– Я сейчас. Работайте.

Джип стоял поперек тротуара, наглухо перекрыв проход для пешеходов. Передние колеса взгромоздились на бордюр, а задние утонули в клумбе узкого палисадника. Прохожие спускались на дорогу, чтобы обойти темно бордовый автомобиль. Юрий Евгеньевич подошел к пассажирской двери и осторожно постучал в закрытое стекло.

– Чего тебе? – пролаял в автоматически опустившееся стекло, водитель внушительных размеров.

– Здравствуйте! Вы не могли бы отогнать машину от окна? Или хотя бы двигатель заглушить? – учтиво обратился к борову Гайанский.

– Чё? – гавкнул толстяк. – Я чё мешаю кому-то? Иди, давай, куда шел.

– Я никуда не шел. Я здесь работаю. И ваша машина, вернее ваш двигатель, вернее дым из него, мешает всему классу...

– Слышь, мужик? Чё те надо? Дым мешает? Купи противогаз, – хам поднял стекло прямо перед носом учителя.

В недоумении оглянувшись по сторонам, Гайанский снова постучал.

– Ты чё не всосал? – прорычал толстяк. – Пошел нахрен!

Он снова поднял стекло, но через секунду опустил.

– Еще раз постучишь, я тебе палец откушу. И в больничку отправлю. На перевязку. Понял?

Оторопев от наглости и хамства, Юрию Евгеньевичу ничего не оставалось, как сказать:

– Да.

Еще раз оглядевшись, Гайанский беспомощно вернулся в школу. Сознание все еще отказывалось принимать эти произошедшие друг за другом неприятные события. Юрий Евгеньевич завис на уровне отрицания их реальности. Он как во сне миновал вестибюль, и прошел к своему кабинету. Вошел он в класс одновременно со звонком.

***

«Сегодня было лучше, чем будет завтра! – успокаивал себя учитель. – Ничего хорошего нет и, пожалуй, уже не будет. Депрессия и ...» Дверь лифта громко закрылась. Кабина, пахнущая солидолом и мочой, начала свое восхождение. «Что такое не везёт? И как с этим бороться? Вот истинные вопросы неудачника, – размышлял мужчина. – А надо просто быть. Или не быть! This is a question». Гайанский усмехнулся. Жене он решил ничего не рассказывать. Незачем опускать ее мнение о себе ниже нуля. Нулем в ее глазах он уже успел стать. Вскоре после сва-

дьбы. Он это понял, как только быт смысл пену романтики и страсти. Семейная жизнь требовала денег и времени. У Гайанского не оказалось ни того, ни другого. Это и разочаровало Машу – супругу художника. У него, кроме любви, для нее ничего не было. А о том, что у девушки для него нет даже этого, он должен был догадаться еще до женитьбы. Это должно было стать ясно в тот день, когда Юра впервые пригласил будущую супругу в свою мастерскую.

Светлана Борисовна, директор школы, позволила Гайанскому занять под мастерскую комнатку в подвале здания. Двухэтажное здание считалось старинным. Построенное в конце 19-го века, не попало в список памятников архитектуры только потому, что после войны перестроили весь второй этаж. Юрий Евгеньевич влюбился в этот дом. Хотя, ему часто казалось, что эта любовь порочна. Все говорило о своенравности и высокомерной аристократичности дома. Холодная красота равнодушно пожирала своих почитателей. Толстые серые стены бутылочного цвета с изрядно осыпавшейся штукатуркой, сохранили благородные завитки и лепнину. Мрачная, и в то же время маняще загадочная арка проезда во двор, запутанные коридорчики, просторные квадратные комнаты, высоченные, сталинские потолки, скрипучие паркетные полы, внушительные окна с широченными подоконниками. В принципе, эти подоконники и стали главной причиной его поспешной женитьбы.

В тот день, два года назад, стояла такая же весна. Они собрались на спектакль. Театр находился в двух кварталах от школы, и Гайанский предложил зайти к нему на работу, в опустевшую к вечеру художественную школу. Маша согласилась. Детишки давно разбежались, и они остались одни в этом непостижимо загадочном здании. Девушка удобно расположилась на подоконнике, обняв согнутые в коленях ноги. Она смотрела в окно, в котором угасал закат. В тот момент она выглядела такой нежной, такой беззащитной и хрупкой, как опавший лепесток весеннего цветка, за секунду до того как теплый ветерок подхватит его и унесет в неизвестность.

– Вот, пожалуйста, кофе, – Гайанский протянул ей щербатую кружку. – Извини, другой посуды нет.

– Ага, спасибо. А там что за здание? – Маша указала на четырехэтажное здание, возвышающееся над прочими одно и двух этажными постройками квартала.

– Это здание МВД. Только с тыльной стороны.

– Да!? – удивилась девушка. – Каждый день проезжаю мимо, по проспекту.

– Не удивительно. Здания, как и люди, внутренней стороной, отличаются от фасада.

– М, а сахар есть? – поморщилась Маша, пригубив из кружки.

Гайанский суетливо метнулся к столу, за припасами. Обернувшись, он снова взглянул на девушку. Она смотрела в окно, подперев голову ладонями. Волосы, собранные на затылке свисали ниже плеч, а сами плечи были устало опущены. Юрий не мог видеть ее лица, но воображение художника подсказывало ему что сейчас, именно в эту секунду, она не уступает в женственности и загадочности изображениям ставшими шедеврами. «Остановись мгновение! – промелькнула в голове. – Ты прекрасна!»

– Маша! – неожиданно для себя сказал Юрий. – Стань моей женой!

Девушка пристально на него посмотрела:

– Зачем?

– Затем, что ты богиня! – воодушевленно ответил учитель.

– Хорошо, – просто, даже как-то обыденно, согласилась девушка.

Гайанский обнял ее, а она приложила голову ему на грудь. Так они простояли очень долго, забыв про кофе, про театр, наблюдая, как весеннее солнце медленно заходит за уродливое здание министерства.

Потом они спустились в мастерскую. Маша была первой, кому он показывал свои немногочисленные работы.

– Здесь пыльно, – сказала девушка, попав в алтарь творчества.

– Все времени нет прибраться, – оправдался Гайанский, с нетерпением и трепетом ожидая ее мнения о работах.

Она рассеянно оглядела полотна и сухо подытожила:

– Круто ...

– Тебе нравится?

– Да, наверно, – нейтрально ответила она, но заметив отчаявшееся выражение лица художника, поспешила добавить. – Я в этом не разбираюсь. Просто, красиво ...

– Да? – обрадовался мужчина

– Красиво, – улыбнувшись, уточнила девушка, – с точки зрения бухгалтера. Я бы такую повесила в офисе.

Маша указала на рисунок с огненно красными тюльпанами, изображенных на фоне какой-то демонстрации – силуэты из толпы с плакатами и транспарантами. Перспектива фона была намеренно искажена, и казалось, будто манифестация проходит вдоль стены, на которой растут эти самые тюльпаны. Люди в толпе выглядели грязными, жирными пятнами на девственно алом полотне.

– «Блошинный смотр», – обрадовался Гайанский. – Дарю! Забирай прямо сейчас.

– Нет, нет, – поспешила отказаться девушка. – Потом. Сначала у главбуха разрешение спрошу.

Это был самый счастливый день в его жизни. Остальные дни потускнели, помрачнели и в итоге вовсе исчезли из жизни. И из памяти.

***

Он нажал кнопку звонка. Через минуту, забрякали замки. Маша открыла дверь:

– А, ты. Привет.

– Привет, любимая, – учитель вошел и, добродушно улыбаясь, попытался обнять жену.

Но, Маша его легонько оттолкнула.

– У меня котлеты горят. Иди мой руки.

В квартире аппетитно пахло жареным мясом. Исполнив поручение супруги, Юра сел за стол на маленькой, как он говорил «кукольной» кухне.

– Чем кормить будешь, жена!

Маша, молча, поставила перед ним тарелку с двумя котлетами и картошкой пюре.

– А ты?

– Не хочу, – супруга стояла у плиты, рассеянно смотря в окно.

Мужчина разрезал котлету и уже собирался насадить кусочек на вилку, когда Маша сказала:

– Юра, нам надо поговорить. Так дальше продолжаться не может.

– Как так? – спросил Гайанский, отложив приборы. – Что не так?

– Все не так, Юра! Мы живем в нищете! Моей зарплаты хватает только на еду, а твоя зарплата, если можно так ее назвать, полностью уходит на твое ... хобби.

– Это не хобби, Маша, – рассердился художник, но улыбка продолжала светиться на его лице. – Это моя профессия.

– Нет, Юра, это хобби. Профессия приносит доход, а эта твоя ... – Маша запнулась, подбирая слово, – твоё художество – хобби. Причем дорогое. Ты хотя бы примерно посчитал, сколько уходит на краски, полотна и прочую ... ерунду?

– Ерунду?! Маша, это не ерунда! Если хочешь знать, это моя жизнь!

– Юра, – смягчилась жена, – предложение Димы еще в силе. Нормальная работа, тот же художник, только за компьютером. А его фирма, кстати, получила заказ от нашего банка на разработку логотипа. Ты себе не представляешь, сколько это денег. Позвони ему ...

– Маша, я сказал нет! – Гайанский повысил голос. Улыбка исчезла. – Я не шабашник! И не этот, как там, барыга! Я художник!

– Художник?! – крикнула Маша в ответ. – Какой ты художник? Кто твои работы видел? Кто их покупает? Ты не художник, Юра! Ты – фрик. Ты местный, городской сумасшедший. С тебя же все смеются, Юра!

– Ты действительно так думаешь? – процедил мужчина.

– Да, Юра! Я действительно так думаю! – из Машиных глаз брызнули слезы.

Она села на табурет и закрыла лицо руками. Гайанский сочувственно на нее смотрел. Выдержав паузу, судорожно соображая, как успокоить жену и прекратить этот давнишний спор о духовном и материальном.

– Маш, Машенька! – его голос лоснился от нежности. – Не надо, слышишь? Все утрясется, вот увидишь. Главное что мы друг друга любим ...

– Нет, Юра, – обреченно произнесла женщина. Она прекратила всхлипывать. – Уже нет. Шмыгнув носом, фартуком вытерла слезы.

– Нам надо расстаться, я так больше не могу.

– Маш! Давай успокоимся, и ... – Юрий попытался обнять жену за плечи, но она раздраженно стряхнула его руку.

Подняв к нему лицо, Маша сказала:

– Уходи! – и, увидев удивленный взгляд супруга, повторила. – Да, Юра, уходи! Я серьезно. Так будет лучше.

– Маш, не будем спе ...

– Пошел вон! – крикнула женщина, вскочив с табурета. – Видеть тебя не могу! Вон!

***

Заварка медленно плавила мозг. Мозг, вместе с картинкой окружающей реальности, стекал в тартарары, как размокшая под дождем акварельная краска стекает с картины. Плотная стена кустарников покрылась прозрачной дымкой и импульсивно расплывалась. За ней открывалось нечто другое, настоящее. Легкость восприятия поглотила все тело. Даже мысли скинули с себя цепи действительности и стали невесомыми. Некоторые травы заваренного сбора, Бессонов привез из недавней командировки. Здесь такие он не встречал. Для правильного эффекта важны не только растения: травы, цветы, корешки, но и время когда их собрали, как долго сушили, где хранили. Все тонкости ему поведал дед. Еще в прошлой жизни.

Семён Гаврилович негромко запел. Гортанные звуки вырывались из измененного сознания, из-под размазанной картинки кустарников у дачного забора, и погружались в подложку заснеженного горного перевала, в холодные воды быстрого ручейка, в кедровую чашу дикой тайги, в полет орла, не спеша разглядывавшему себе добычу.

Тело немолодого мужчины раскачивалось в такт одному ему известному ритму. Веки нервно вздрагивали, губы еле заметно шевелились, ноздри набухали при каждом вздохе. Душа нехотя отрывалась от тела. Для полноценного транса ему не доставало бубна из оленьей кожи. Бессонов опасался соседей по даче. Они бы сильно удивились, увидев генерала внутренних дел с бубном в руках, выплясывающим под гортанное пение. Танцы с бубном он мог себе позволить только в лесничестве, да и то, убедившись, что егеря мертвецки пьян. Больше нигде. Ни должность, ни положение не позволяли.

Здесь, на даче, он чистил мысли. Окуривал себя священным дымом, пил заваренные настои из трав и грибов. Очистив сознание, он мог заглядывать глубоко. Шаманская душа покидала это чужое тело и удалялась далеко в прошлое, в близкое будущее или глубокое настоящее. Это помогало ему справляться с болью пережитого, с горечью настоящего, с обидой будущего. Это помогало ему идти по тропе мести, которая с каждым шагом становилась все шире и заманчивее.

– Товарищ генерал, товарищ генерал, – услышал Семён Гаврилович далекое эхо реальности. – Вас к телефону. Сам первый.

Нехотя, мужчина вернулся из своего путешествия. «Что еще нужно этому безмозглому лишаю?» – подумал он, нервно вырывая трубку из рук помощника.

– Слушаю! У аппарата, – недовольно буркнул он в телефон.

***

Гайанский сел на лавку. В это позднее время во дворе многоэтажки было безлюдно. Детишек загнали домой, пенсионерки ушли смотреть новости, освободив старенькую лавочку полуночному изгюю. Ему никак не верилось, что все произошедшее сегодня случилось именно с ним. Будто прочитал в газете шокирующую новость о каком-то незнакомце, или услышал сплетню от коллег, Юра никак не мог понять, как такое могло произойти. Ему все еще казалось что сейчас, вот сейчас удивление от неприятных вестей пройдет, и он осудительно поцокав языком, вернется к своим обычным делам.

«А она права, – думал учитель. – Они обе правы. Какой же я художник? Возомнил о себе. Хватит себя обманывать». Но, сердцем он понимал, что обманывает себя. Без картин его не станет, он просто умрет. Если перестать рисовать задохнется. Сразу. «Мои картины – хобби!? Тогда мое существование – хобби! Черт подери, теперь я знаю, чем занимается Всевышний в свободное время: он создает таких как я, как она сказала – фриков? Непонятых дураков. Нет же, просто дураков.»

Из подъезда вышла Маша. Гайанский обрадовался, на секунду решив, что это действительно чужой кошмар его не касается. Он оживился, встал и, широко улыбаясь, пошел к ней на встречу. В руках супруги Юра заметил небольшую дорожную сумку. На примирительное, немного смущенное заискивание супруга кинула ему в ноги сумку, и, молча, вернулась в подъезд.

– Маш! Маша! – крикнул вслед ей мужчина.

Но ответом стал лишь оглушительный хлопок закрывающейся двери.

Он вернулся на лавку и долго просидел, копясь в своих сомнениях. С наступлением ночи похолодало. Гайанский, решив что страсти улеглись, поднялся в квартиру которую считал своим домом. Воспитание не позволяло ему открыть своим ключом, и он полчаса, с нетерпением, надеждой, а затем отчаянием, звонил в дверь. Маша так и не отворила. Здравый смысл твердил, это конец, край их и так затянувшихся отношений. Но подлая надежда все еще теплилась в уголке его сознания. «Действительно, – окончательно разочаровавшись, подумал Гайанский, – на дне ящика Пандоры была надежда».

Юре ничего не оставалось, как побрести в школу. «Сегодня точно не опоздаю» – саркастично подумал учитель.

***

Наутро Гайанский первым делом объясниться с директрисой. Больше ему идти не куда. Ночь, проведенная на лавочке в сквере перед входом в школу, стала самой долгой в жизнь. Детское учреждение открывала тетя Рая – уборщица. Она жила неподалеку, и пока школа подыскивала себе ночного сторожа, немолодая, но энергичная женщина открывала и закрывала это старинное здание. Тетя Рая ничуть не удивилась застав ранним утром у дверей школы странноватого учителя. Перекинувшись с ней парой слов, Юрий прошел на второй этаж к директорскому кабинету. Ожидание оказалось не долгим. Вскоре на лестнице послышалось элегантно цоканье дамских каблучков.

– Светлана Борисовна, доброе утро!

Женщина, молча, прошла мимо, доставая из сумочки тяжелую связку ключей. Карие глаза директрисы метнули в него стрелу неприязни.

– Я хотел извиниться. За вчерашнее, – продолжил скрипучим голосом Юрий Евгеньевич.

Начальница была непреклонна. «Надо же, – подумал учитель. – За один день настроить против себя всех женщин планеты. Достижение!»

Отворив дверь, она прошла в кабинет. Дверь за собой не закрыла. «Хороший знак» – подумал Гайанский, и последовал за ней.

– Светлана Борисовна! Мне действительно жаль, что так все вышло. Какая-то черная полоса ...

– Короче, Гайанский, что хотел? – вешая на плечики плащ, спросила женщина. От нее потрясающе пахло незнакомыми ему духами, с легким оттенком полевых цветов.

– Ничего, – поскромничал мужчина. Но, взяв себя в руки, продолжил. – Светлана Борисовна, можно я поживу в мастерской. Пару дней ...

– Что?– директриса впиалась в него любопытным взглядом. – Жена прогнала? Поделом, Гайанский, так тебе и надо. А к родителям не пробовал вернуться?

– Нет! – отрезал учитель. – Лучше на вокзал или в подвал какой-то.

– Так ведь и здесь подвал, – ухмыльнулась директриса. – Это ты его мастерской назвал, а так подвал подвалом.

Мужчина молчал, разглядывая свои худые, жилистые ладони.

– Ладно, – согласилась Светлана Борисовна. – Живи. Оформлю как сторожа. Заодно и имущество по охраняешь. Не пить, баб не водить. Хотя какие там бабы ...

Так, странное, старинное здание художественной школы окончательно пленило несчастного художника.

Глава 2

«Вы! Вы виноваты! – Гайанский вышагивал по мастерской, презрительно осматривая свои работы, выложенные вдоль стен с художественной педантичностью. – Вы как зуд. Чемодан без ручки. Барахло. Сжечь к чертовой матери!» Приступ ярости стал почти неконтролируемым. Он схватил шаткий стул, и замахнулся. Желание разгромить полотна, раз и навсегда уничтожить работы, свое творчество, свое сокровище, свою жизнь стало непреодолимо. Но в последний момент стул безвольно повис в поднятой руке. Юрий не смог. Он не смог убить своих детей. Художник бережно поставил стул, сел на него и обхватил голову руками, сильно сжав виски.

Казалось, в голове десять тысяч барабанщиков, бьют нескладную дробь прямо об черепную коробку. Днем боль была незаметна. А сейчас, когда школа опустела, и художник остался один на один со своими работами, она овладела им. Вместе с невеселыми мыслями. На него смотрели картины. Мальчуган играет в песочнице с огромным муравейником. Вместо городского пейзажа его окружают черно белые шахматные клетки. Рядом обнаженная старуха в огромной шляпе, с татуировкой POPS MUST DIE. восседающей на пассажирском авиалайнере. С противоположной стороны на Юру смотрит мутным взглядом мужик в кожаной кепке. Он отпивает пиво из огромного бокала. В руке дымится папироса. От пронзительных глаз цвета стертой синевы невозможно оторваться.

Гайанский спрятал лицо в ладони, пытаясь сконцентрироваться на боли. «Надо бы вас все-таки сжечь, – думал он»

Взвывла сирена. Старинное здание вздрогнуло от пронзительного воя. Рациональное распределение бюджета. На безопасность имущества: разваливающиеся треноги, мольбертами сложно их назвать, сотню другую кисточек, и детскую мазню, департамент выделил ставку сторожа и ревун. Вот этот ревун и срабатывал по несколько раз за ночь.

Юрий отвлекся от созерцания собственной боли. Неохотно поднявшись в фойе, выключил тумблер. Сирена стихла. Подошел к дверям и выглянул наружу. В опускающемся мраке на лавочке, в крохотном скверике у входа, несколько подростков громко обсуждали свои темы, время от времени прикладываясь к бутылкам то ли пива, то ли чего-то покрепче. Гайанский открыл дверь, и шагнул на порог. Голоса в сквере стихли, и кто-то из подростков крикнул:

– Тебе чего, дядя?

Гайанский испугался. Новостные страшилки пестрили сюжетами о случайных конфликтах, между добропорядочными гражданами и отмороженными гопниками.

Первой мыслью было бежать. Быстро и далеко. Учитель вернулся внутрь и суетливо закрыл дверь.

С минуту художник следил за сквером через стекло. Он мысленно ругал себя за то, что открыл дверь, что выглянул наружу, и вообще что согласился сторожить эту чертову школу. В темноте ему показалось, что «отморозки» отложили свое занятие и пристально наблюдают за школой.

В панике Юрий побежал вниз, в мастерскую. На тумбочке служившей импровизированной кухней, лежал перочинный нож. Сжимая его в руке, учитель никак не мог решиться вернуться наверх. Тут его осенила блестящая по своей простоте идея. Гайанский рванул к телефону:

– Дежурный Кабышев. Слушаю! – прозвучало в трубке через несколько долгих гудков.

– Здравствуйте! Тут у художественной школы хулиганы. Приезжайте, – облегченно проговорил в трубку учитель.

– У какой школы? – спросил дежурный. – Повторите. И представьтесь.

– У художественной школы, – уточнил Юрий, для важности добавил: – В квартале от МВД, с обратной стороны.

– Принято. Представьтесь.

Гайанский задумался. Ему опять стало страшно.

– Зачем? Вы приезжайте, разгоните хулиганов.

– От кого вызов? – настаивал полицейский.

Учитель повесил трубку. Выбрав для наблюдения угол коридора, подальше от входных дверей, он, через витраж вглядывался в уличную темноту. Никого не было видно. Прислушавшись, он различал приглушенные голоса. Гайанский крепче сжал в ладони перочинный ножик.

Минут через десять к скверу подъехал экипаж полиции. В свете проблесковых огоньков учитель разглядел, как двери машины открылись и двое полицейский, поправляя на ходу амуницию, не спеша подошли к подросткам. Послышался глубокий бас, но слов было не разобрать. Через несколько минут, полицейские вернулись к машине, коротко крикнули сигналкой и уехали.

«Как так? – удивился Юрий.– Они обязаны их арестовать!» В отчаяние он вернулся к телефону.

– Алло, полиция!?

– Дежурный Катышев. Слуша...

– Вы их не арестовали!

– Кого их? Представьтесь.

– Хулиганов. У художественной школы.

– Секундочку, – зашипела рация. – Тридцать второй два ноля, прием.

– На связи, – расслышал сквозь помехи учитель.

– Что там с хулиганами на Александровской? Прием.

– Местная шкалота. Ничего серьезного. Прием.

– У меня сигнал. Примите меры. Прием.

– Я уже уехал, Николайч! Малолетки там местные, сейчас рассосутся. Прием!

– Тридцать второй. У меня жалоба! Отбой.

«Молодцы, – у учителя отлегло от сердца. – И там есть ответственные люди!». Шаг за шагом, медленно, как зверь на охоте, он приблизился к дверям. Вспотевшую ладонь с ножиком отвел за спину. В узком проезде замигали красно синие огоньки. На этот раз, полицейским не пришлось выходить из автомобиля. Коротко крикнула сирена, и в свете фар Гайанский различил нескладные подростковые фигуры покидающие сквер.

Гайанский облегченно вздохнул, сложил нож и спустился в мастерскую. Вспрыснутый страхом адреналин вызывал смутное беспокойство. «Куда же они пошли?– терзали его параноидальные сомнения – А если они вернуться? Озлобленные, пьяные». Учитель огляделся. «Телефон уже не поможет. Наверняка эти провод оборвут. Не дураки. Витражная входная дверь и фанерная в мастерскую. Для бандитов это пустяки» Он снова огляделся. Ничего подходящего для обороны.

Воздух кругом набух, как нарыв, перед низвержением накопившегося гноя. Все кругом, стены, двери, лестницы, картины, все здание изливало какое-то неоощуемое, скрытое напряжение. Силу, да силу, накопившуюся где-то глубоко в недрах действительности.

Гайанский ринулся в дальний конец мастерской. Там кладовка, куда он скидывал весь хлам. Может в ней найдется более серьезный аргумент защиты? В случае чего можно там спрятаться. «Гори огнем эта школа!» – проклинал всех и вся Гайанский.

Отбросив в сторону останки мольберта, перекошенную рамку и коробку с засохшими кисточками, художник освободил дверь коморки. «На вид крепкая!» – обрадовался учитель. С внутренней стороны, к своему ликованию, он обнаружил добротный засов, накрепко привинченный к двери. «Странно, – успел подумать учитель. – Кому понадобилось закрываться в коморке?». Оставив этот вопрос на потом, он вошел и, немного повозившись с несмазанным

засовом, все-таки плотно его захлопнул. «С таким раскладом готов выдержать любую осаду. Даже оружия не надо, – расслабленно вздохнул Гайанский и прислонился к стене»

Но, беспокойство не проходило. Свет он не включил, побоялся. Лучи могли выдать его, просочившись сквозь щели. Через пять минут, не выдержал, и шелкнул переключателем. «Надо найти что-то увесистое, – шептал ему страх. – Арматуру, трубу или, на крайний случай, швабру» В скудном свете, энергично перебрал старье, детали поломанной мебели, смятые ведра, пришедший в негодность инструмент. Ничего подходящего. Перекладывая ящик скарба, мужчина почувствовал, как под ногами что-то прогнулось. С ужасом, ожидая увидеть под собой сам ад, мелено опустил глаза. Юрий стоял на металлическом люке. Застыв, Гайанский разглядывал под собой прямоугольный контур. «Еще один подвал? Никто мне не говорил о нем»

Рациональная часть умоляла его оставить все как есть, дождаться утра, и привести сюда сантехника Иваныча. Уж он то, все ходы выходы знает. Но другая часть, как, ни странно, самая трусливая, гнала его как можно дальше от хулиганов, в безопасное и надежное место.

Трусость победила. Недолго раздумывая, Юрий Евгеньевич потянул крышку и тут же, отпустил. Из щели на полу пробивался свет. По легкому мерцанию художник догадался, свет электрический.

Гайанский задумался. Что же там может быть? Заброшенный погреб? Вряд ли, ни запаха сырости, ни ветхости нет. Техническое помещение? Тоже вряд ли, тогда бы через его мастерскую ежедневно шныряли сантехники, электрики, и прочие «специалисты». Что же это? Бомбоубежище? Точно, бомбоубежище. «Как у Высоцкого, на случай ядерной войны, – думал учитель. – Поэтому и сухо, и затвор, и электричество!» Осенившая догадка развеяла сомнения. Он уверенно взялся за ручку. Люк поддался на удивление легко. Прямо под ногами начиналась железная лестница, сваренная из толстых металлических прутьев и выкрашенная в ярко красный цвет. Удивительно, но на вид краска была свежей. Ни обшарпанная, ни стертая, казалось, ее нанесли не больше недели назад. Хотя толстый слой пыли и тонкие нити паутины указывали на то, что красили очень давно.

Юрий обреченно вздохнул и шагнул вниз.

***

Освещения хватало на полкомнаты. Подвешенный к потолку абжур в виде широкого железного конуса, лениво лил густые, желтоватые лучи. Гайанский ожидал найти здесь горы мебели, матрасов и прочего хлама. Но просторное помещение оказалось совсем не похоже на бомбоубежище, во всяком случае, так, как он себе представлял. Серые бетонные стены, ровные и гладкие. Кое-где, оставались выпуклости – следы от опалубки. Вдоль потолка тянулись четыре ригеля, укрепленные стальными шпалами. К одной из таких шпал и был грубо привязан железный абжур. Из-за ширины помещения создавалось впечатление, что потолок низкий. Оказавшись на сером, пыльном полу, Гайанский пригнулся. Но, посмотрев вверх, с удивлением обнаружил, высоты более чем достаточно, чтобы встать в полный рост.

Посередине, в нескольких шагах от лестницы, прямо под лампой, стояла железная койка. Рядом табурет. К стене напротив, шагах в десяти, был привинчен умывальник. Выше зеркало.

Гайанский огляделся. Стоя у лестницы и опасно вглядывался в темные углы, он боялся шагнуть дальше.

– Здравствуйте! – крикнул он темноте.

В замкнутом пространстве голос прозвучал глухо, как-то придавлено. В ответ из умывальника капнуло. Тихий удар воды об эмалированную жесть прозвучал как неосторожный рядник. Как будто кто-то брякнул колокольцем и, испугавшись, тут же зажал его в ладони. Гайанский вздрогнул. Еще минуту он, не моргая, смотрел на умывальник.

Из умывальника снова капнуло. На этот раз звук не напугал, скорее наоборот, повторяющейся последовательностью, придал уверенности. Учитель приблизился к источнику звука.

Изящный медный барашек указывал на внушительный возраст устройства – прошлый, а может и позапрошлый век. Гайанский, судорожно копался в памяти, пытаясь вспомнить, когда же в родном городе появился централизованный водопровод. Файл с этими данными куда-то подевался, или вовсе отсутствовал. Это его разозлило. Он поднял взгляд на зеркало, висевшее над краном. Увиденное сковало тело путами ужаса.

Зеркало оказалось окном в другую комнату. Даже не окном, а окошком, из-за небольших размеров, сантиметров сорок в диаметре. В нем Гайанский видел отражение этой же комнаты, но ... живой. Железная койка находилась на том же месте, только по-армейски заправлена белоснежным, накрахмаленным бельем. На спинке из зеленых прутьев, висел выглаженный офицерский китель. Под ним стояли, до блеска начищенные, хромовые сапоги. На табурете – портупея.

Гайанский нервно оглянулся. Он по-прежнему находился в сером подвале. За спиной, обнажив пружины, скучал скелет койки и одиноко громоздился обшарпанный табурет. Но, стоило взглянуть в зеркало, взору представали заправленная кровать и гордый дифрос.

Мужчина зажмурился. Замотал головой, прогоняя прочь навязчивую галлюцинацию. Затем снова посмотрел в зеркало. Оно по-прежнему оставалось окном в другой, неизвестный ему подвал. Серые стены, железный абажур, заправленная койка, табурет. Все это искаженное отражение. Но что-то было не так. Когда смутные сомнения собрались в осознанную мысль, новая волна ужаса накрыла учителя. В зеркале не хватало его собственного отражения.

Очевидная догадка, как пинок телохранителя, оттолкнула учителя от зеркала. Гайанский в панике оглянулся. Все было на своих местах. Значит, опасности нет. Он неуверенно поднял одну, потом вторую руку. В зеркале ничего не происходило. Он помотал головой, подпрыгнул. Ничего. Там, в той комнате его просто не было. «А может, и здесь меня нет?» – усомнился художник, и настороженно взглянул на свои ладони.

«Есть, – обрадовался художник. – Пока есть». Снова приблизился к зеркалу и присмотрелся. На табурете, кроме портупеи лежал офицерский планшет и кобура. На кровати, ближе к кителю, виднелась фуражка. Китель с золотыми погонами. Учитель различил две синие полосы и звезду. Мужчина ухмыльнулся. Собственного отражения там по-прежнему не было. «Меня нет. Нет, – в какой-то странной эйфории думал Гайанский» Он подпрыгнул. Взмахнул руками. Потом еще раз.

«Ха. Нет. Все. Меня нет». Свернул две дули и показал зеркалу. Скорчил рожу. Надул щеки, высунул язык и, засунув пальцы в рот, потянул в разные стороны. Этого показалось мало. Гайанский, вспомнив детские дразнилки, снова засунул в рот оба безымянных пальца. Растянул губы, одновременно, большими пальцами стягивая кожу из-под глаз. Получилось занятно, как ему казалось. Надеюсь, все-таки увидеть отражение, он уперся лбом в холодное стекло зеркала.

В этот момент, случилось невероятное. В зеркале появилось лицо. От неожиданности Гайанский отшатнулся и, потеряв равновесия, упал на пятую точку.

– А, малахольный. Здорова! – сказала лицо и широко улыбнулось – Чего так долго?

Из зеркала над умывальником с ним разговаривал человек. Лицо. Прошло несколько секунд, прежде чем до учителя это дошло. Здесь его нет, и быть не могло. Гайанский на всякий случай обернулся. В подвале, кроме него самого, не было никого. Этот кто-то существует только в зеркале, или в его воспаленном мозгу.

На человеке из зеркала была белая сорочка. Массивная шея, крупный мясистый подбородок с ямочкой на которой, после бритья оставалась пена. Широкий нос, колючие глаза с прищуром внимательно смотрели на сидевшего на полу учителя.

– Здравствуйтесь, – вежливо поздоровался учитель.

Человек в зеркале на секунду исчез, потом снова появился, энергично вытирая лицо вафельным полотенцем. Юра продолжал сидеть на полу. Набравшись храбрости, нерешительно спросил:

– Простите, вы это я?

Отражение застыло с легким недоумением на лице.

– Ты кого в зеркале видишь?

– В смысле?

– Поразмысли! – в рифму, ответило отражение. – Что за вопрос?

Лицо снова исчезло. Учитель медленно, опасаясь нового сюрприза, поднялся с пола. В зеркале крепкая фигура в белой сорочке и в военных галифе с лампасами, стояла спиной к зеркалу. Человек с той стороны снимал с плечиков китель. Пока учитель пфтался сообразить что происходит, отражение успело надеть сапоги. Почувствовав любопытный взгляд, он повернулся к художнику. Волевое лицо осыатила добрая улыбка.

– Очухался?

Юрий коротко кивнул. Офицер, или его отражение, Гайанский вконец запутался, надел китель.

– А ты чего такой напуганный? – спросил военный. – Как будто привидение увидел.

Учитель молчал, не зная, что сказать. Отражение застегнул портупею и потянулось за фуражкой. Гайанский понемногу приходил в себя.

– Я ... – начал он охрипшим от волнения голосом. Покашлял и продолжил. – Я, Гайанский Юрий Евгеньевич, учитель ИЗО в детской школе, – после паузы добавил. – Художник.

– У, как официально, – улыбалось отражение. – Ну, раз так, то ... Майор государственной безопасности СССР Птаха Павел Шахитович.

Отражение лихо отдало честь, поднеся сжатый кулак к виску и в последний момент, резко разогнув ладонь. Получилось эффектно. Гайанский уважительно кивнул. Майор улыбнулся:

– Для друзей просто Шах, для врагов ППШ.

Учитель нервно улыбнулся.

– А Шахитович это ... – неуверенно, к тому же бестактно полюбпытствовал он.

– Отец татарин. Ты что не в курсе?

Художник не понимал, в курсе чего он должен был быть. Но на всякий случай кивнул.

– Вопросы обычно задаю я, – добродушно продолжил военный, – но, сегодня исключение. Спрашивай.

Мысли в голове Гайанского окончательно смешались. До сих пор не верил в происходящее. «Быстрее всего, это сон, – успокаивал себя Юрий. – Или бред. А я в псих палате». Но отрицать очевидную, по крайней мере, ему очевидную реальность было глупо. Он несколько раз открывал рот, и снова его закрывал. Все это время офицер стоял и с любопытством наблюдал за художником (или за его отражением). Потом он снова улыбнулся, обнажив свои белоснежные ровные зубы.

– Предлагаю для начала присесть.

Юрий беспокойно огляделся, и с некой опаской сел на табурет. Шах последовал его примеру.

– Наверно, в первую очередь тебе интересно, где мы и что происходит?

– Да, – с нескрываемым облегчением согласился сметенный учитель.

– Мы находимся в Республиканском Управлении Госбезопасности. Эта часть подвалов стерта с коммуникационной схем, сам понимаешь почему. Разгильдяи наверху, забросили их. Может из халатности, может нет: надо разбираться. А объект-то инфраструктурный и крайне перспективный. Сам все увидишь. Тимофея дождемся, я тебе экскурсию организую. Теперь вторая часть вопроса ...

– А кто такой Тимофей? – перебил его Юрий.

– Не гони, все по порядку.

Учитель по привычке стал извиняться, но Шах жестом руки, с некоторым раздражением, дал ему понять, это не обязательно.

– Итак, что происходит? А происходит, друг мой, крайне важный для страны эксперимент. Какой – тебе знать не обязательно. Да и не поймешь ты.

Юрий собрался духом и на одном дыхании выпалил:

– Не пойму? Что вам вообще от меня надо?

Шах усмехнулся:

– Зеркало, это ширма, – сказал Шах. – Стекло. Ты там, я здесь. Отражение это ..., как ее? Иллюзия. Заблуждение мозга. А правда, дружище, не вписывается в рамки привычного разума, несмотря на свою очевидность. Даже если с тобой разговаривает отражение.

– Что? – недоумевая, спросил учитель.

– Я же говорю, не поймешь, – после короткой паузы сказал офицер. – Ты не переживай, можно и без этого прожить. Смирно!

Птаха вскочил, надел фуражку, оправил китель и застыл по стойке смирно. Гайанский, тоже поднялся. В зеркале, кроме вытянутого майора, он заметил еще одно существо. На железной лестнице, на третьей ступени торжественно восседал кот Тимка. Всеобщий любимец. Он редко появлялся в школе в учебное время. Но ребята, зная о его существовании, таскали ему из дома еду. Да и педсостав охотно подкармливал серого нахала. Кот вымахал до внушительных размеров, что вовсе не мешало ему ловко ускользать от детских объятий, поглаживаний и прочих навязчивых нежностей.

Учитель обернулся. Кот, так же как и в отражении, сидел на третьей ступеньке лестницы. Умные глаза пристально наблюдали за происходящим. Большие передние лапы аккуратно сложены, а пушистый толстый хвост почти полностью их накрыл. Такое внимание к блохастому удивило учителя.

– Что случилось? – сам не понимая у кого, спросил он.

– Тимофей, – процедил Птаха.

– Ни и что? – после недолгой паузы сказал Гайанский.

Тимофей, равнодушными, холодными глазами, посмотрел на Гайанского. Учитель также пристально смотрел на кота. Дуэль взглядов длилась не больше минуты. Проиграл Гайанский. Он непроизвольно потупил взгляд. Затем, застеснявшись своего проигрыша, посмотрел в зеркало на майора, ища поддержки.

– Не мешай, – прошептал офицер. – Он сверяет. Если повезет, сейчас махнет.

Серый зверек был единственным живым существом, верно отражающимся в зеркале и с той и с этой стороны. В обеих измерениях одновременно, кот спрыгнул на пол и, не спеша, прошел к умывальнику. Хвост торчал трубой, наостренные уши, изрядно потрепанные в весенних, кошачьих боях, улавливали любой шорох. Серая, короткая шерсть блестела в свете лампы, переливаясь при каждом движении мощных серых лап. Остановившись двух шагах от умывальника, кот сел и подобрал хвост. Еще с минуту зверь внимательно вглядывался в отражения.

Гайанский почувствовал, как все окружающее пространство сдавливает его с новой силой. Каждой клеточкой своего худого, нелепого тела он чувствовал давление. Какая-то сила выдавливала его вон.

Вдруг кот, как пружина, сжался, утапывая задние лапы, как спринтер на старте. Затем, прижав к голове ободранные уши, оттолкнулся и стремительно прыгнул в зеркало.

Ожидая удар, и звон разбитого стекла, Гайанский зажмурился. Но вместо звука падающих осколков он услышал глухой хлопок. Гнетущий напор на тело прекратился. Запахло как после грозы.

Учитель еще не скоро решился открыть сначала один, потом второй глаз. Первое что увидел Юрий это отражение кота Тимофея, безразлично направляющегося к лестнице. Гайанский обернулся. По эту сторону зеркала, кот делал то же самое.

Подняв взгляд, учитель взглянул на свое отражение. Настоящее отражение. Майора не было. На фоне, за своей спиной в зеркале, он видел скелет железной койки и одинокий табурет.

Учитель отвернулся от умывальника, и собрался проследовать за котом на выход. «Никакого военного не было, и быть не могло. Но ...» Гайанский не поверил своим глазам. Зажмурился, даже потер пальцами веки. Перед ним стояла аккуратно убранная пружинная койка, заправленная белоснежным, накрахмаленным пододеяльником. У изголовья, нахохлившись, восседала треугольником подушка. «Что за ... ?» – успел подумать он, перед тем как услышал радостный возглас Шаха.

– Махнул! Ей богу, махнул!

Гайанский с ужасом смотрел на свое отражение. Из зеркала, по ту сторону, где кровать была без матраса, а табурет выглядел как рухлядь, был тоже он – Юрий Гайанский. Но там, в отражении, тот другой Гайанский метнулся к серому коту. Здесь же, отказываясь верить своим глазам, учитель в смятении шагнул к заправленной кровати. С опаской потрогав подушку, как будто та могла его укусить, он возбужденно, обеими руками, надавил на койку. Пружина плавно амортизировала. От этого упражнения матрас немного сполз. «Не может быть!» упрямылся разум учителя.

Наконец, сообразив, где находится выход из этого кошмара, учитель метнулся к лестнице люка. Вступив на первую ступень, художник инстинктивно запрокинул голову. Из открытого проема на него падал свет. «Слава богу! Сейчас все закончится. Сейчас я проснусь». С прыткостью шимпанзе он взметнулся наверх. Поднявшись, он облегченно вздохнул. Но этот вздох застрял в легких. Вынырнув, он увидел все ту же заправленную кровать, с съехавшим набок матрасом, табурет, умывальник и зеркало.

В отчаяние он поднялся наверх по следующей железной лестнице. Затем снова. И снова. Но каждый раз, выходя из проема, он видел одну и ту же картину: заправленная кровать с съехавшим матрасом, новенький табурет, умывальник и зеркало. И каждый раз воспаленные мозг отказывался принимать безысходность положения.

Пока сознание Гайанского металась по лабиринту зазеркалья, его тело по эту сторону кинулось к серому коту:

– Эх, товарищ Тимофей, молодец! Думал, загнусь здесь! Разрешите вас обнять ...

Восторженно глядя на животное, художник, вернее тело художника с вселившимся в него майором, занес над котом руки. Убийственный взгляд томных кошачьих глаз осадили пыл Гайанского. Шах потряс над зверьком ладонями, и, не зная, куда их девать, запустил пальцы в густую черную шевелюру.

– Спасибо, спасибо, – благодарил он кота.

Важный вид кота, его не моргающий, холодный взгляд и нервно пульсирующий кончик толстого хвоста, заставили Гайанского вытянуть руки по швам, стать смиренно, и поставленным голосом доложить:

– Майор Птаха к выполнению задания готов. Разрешите приступить?

Кот потерял к нему всякий интерес. Пушистый безразлично поднялся на следующую ступень. Обернулся. Одарил майора в теле художника испепеляющим взглядом, и в три прыжка одолел лестницу, исчез в люке.

Восторженный майор вернулся к зеркалу. В отражении настоящий Гайанский, сидел на кровати, в отчаянии обхватив голову руками.

– Видишь, малахольный, – обратилось к нему майор, – с первого раза махнул. Обычно присматривается, прикидывает ...

Гайанский чувствовал себя статистом в театре абсурда. Его собственное отражение ему не подвластно! Оно само по себе бегаёт по подвалу, бросается на кота и трогает свой, нет, черт подери, его, Гайанского, волосы. В то время как настоящий Юрий Евгеньевич, беспомощно наблюдает за всем этим из зазеркалья. Не в состоянии понять происходящее, он гневно крикнул:

– Что, черт возьми, происходит? Где я?

– Тихо ты, не кричи. Все нормально, – успокоил его голос Шаха. – Я объясню. По крайней мере, то, что тебе можно знать. Как я оказался в зеркале, не спрашивай. Гос. тайна, сам понимаешь, подписка, присяга. Тимофей вытащил меня, и засунул в твоё тело. Это на время, не переживай.

Майор, в теле художника, подошел к зеркалу и придирчиво разглядывал отражение. Гайанский, чувствуя неладное, поспешил спросить:

– Зачем?

– Что? – оторвавшись от отражения, переспросил Шах. – А сам как думаешь? То-то. Сейчас я – это ты. Выгляжу как ты, говорю как ты, двигаюсь. Повторяю, сделаю все, верну тебе твоё малахольное тело в целостности и сохранности. Да, – задумчиво сказал майор, оглядывая тело, – жаль, что выбирать нельзя.

– А меня, почему не спросили? – запротестовал художник. – У меня же своя жизнь, планы, работа, наконец. Я – против!

– Ну, брат, тут ничего не поделаешь, у всех работа. А то, что ты против ... Задание важнее твоих этих, как их, желаний, – майор в теле учителя, пригладил волосы, потом раздраженно потеревил их. – Ладно, товарищ, не дрейфь. Сделаем все в лучшем виде ...

– Нет, уж позвольте, – задыхался от возмущения Гайанский, – я не давал своего согласия. Это насилие, это произвол. Беспредел!

Майор предостерегающе поднял руку:

– Спокойно. Не трать нервы. Все равно ничего не изменишь. Обычно Тимофей поблизости. А когда он рядом, в зеркале все видно. Ну как в кино, моими глазами видишь, что происходит.

– А я? – растерянно спросил учитель. – Что мне делать?

– Ничего. Смотри, наблюдай. Отдыхай. Кстати, я тебе экскурсию обещал.

Глава 3

Наступило утро. В зеркале над умывальником Гайанский видел пасмурный рассвет. Шах, по-видимому, стоял в холле, на первом этаже школы и наслаждался свежим весенним утром. После недолгого блуждания по катакомбам, учителю стало ясно: эти подвалы охватывали как минимум квартал между художественной школой и зданием МВД. Масштабно. И в подземных коридорах, и в кабинетах горел тусклый свет. Подземная инфраструктура впечатлила учителя. Кроме лабиринта тюремных камер здесь были допросная, казарма, архив. Даже красный уголок. И расстрельная комната.

– В этой комнате еще в тридцатых мочили контру. Знаешь, почему говорят «мочить»? Потому, что жмуrow замачивают в ваннах с известью. Видишь? Вот они, – Шах показал на ряд эмалированных кадешек, удобно расположенных под стеной в смежной, с расстрельной, комнатой. – Тут в расход пускали, тут мочили. Через тройку дней в извести жмурик становится как холодец. Затем в канализацию.

Гайанский инстинктивно отступил от экрана зеркала. Какой ужас? И над всем этим он много лет учил детей красоте?

Экскурсию Птаха закончил у глухой железной двери, в дальней комнате с несколькими рабочими столами, по всей видимости, кабинетом следователей.

– Там мое задание, – он указал пальцем на дверь. – Там засела эта гнида.

Гайанский в ужасе отвернулся от зеркала. Мысли, до сих пор танцевавшие в его мозгу кадрили, стали приходить в порядок. «Какой-то сумасшедший демон в моем теле собрался прогуляться по катакомбам? Зачем? По всей видимости, сражаться с таким же демоном. Ему конец. Мне конец!». Вывод привел его в окончательное изнеможении. Он плюхнулся на пружинную кровать. Всклипывая как маленький ребенок, он зарыдал. И как в детстве, какими бы горькими не были слезы, приводят они всегда в оно и тоже место. Сон.

Сейчас, в подвальной зеркале, он наблюдает за рассветом. Через час придет уборщица, тетя Рая, а еще через час начнут приходить учителя, затем дети. У Гайанского сегодня три урока, два утром и третий после обеда, во вторую смену. Один бог знает, что собирается делать этот демон в его теле!

Минуточку. С его телом. Чтобы не сотворил майор, или его дух, за все отвечать Гайанскому. Но что, он, настоящий Гайанский может сделать? Ничего. Только беспомощно наблюдать за собственным жизнеразвитием.

***

– Здравствуйте, Юрий Евгеньевич, – прозвучал за спиной голос директрисы. – Как прошла ночь? Без происшествий?

– Здравствуйте, – обернувшись, ответил Шах в теле Гайанского.

«Какая женщина! – прозвучало в голове. – Уф. Кто это? – спросил он у хозяина тела»

«Директор школы, – равнодушно ответил учитель. – Светлана Борисовна». И тут, осекшись, художник, беспокойно спросил: «В каком смысле, «какая»? Не вздумайте с ней это ... того!»

«Не ссы, малахольный, – ответил Шах. – Солдат девчину не обидит!»

– Чудесное утро, Светочка, – произнес майор вслух. – А знаешь почему?

Директриса, недоуменно посмотрела на учителя:

– Почему?

– Потому, что твоя улыбка радует.

«Прекрати! Немедленно! – мысленно кричал Гайанский». «Ни в коем разе, – отрезал Шах»

Не смотря на банальность комплимента, женщина коротко улыбнулась. Но, тут же взяла себя в руки.

– Фу, как приторно, – разозлилась директриса. – Аж противно. Ничего лучше придумать не смог? Чего тебе на этот раз надо?

– Абсолютно ничего, Светочка. Просто увидеть тебя. И все.

Директриса прошла мимо. Открывая дверь кабинета, она с любопытством покосилась на Гайанского.

«Слышь, малахольный, а она замужем?» – спросил майор.

«Прекрати, я сказал! Не смей!» – возмутился учитель.

Прозвенел звонок. Шах, в теле Гайанского, бодрым шагом прошел в класс.

Дети, разложив рисовальные принадлежности, ждали.

– Здравствуйте, дети! – поздоровался Шах. – Так! – он недовольно оглядел присутствующих. – Вас что не учили вставать, когда учитель входит?

Дети недоуменно переглядывались.

– Повторим, – продолжил майор. – Я выйду и, еще раз зайду. Попробуйте только не оторвать от стула свои ... Встать!

«Кончай муштру! – мысленно произнес учитель. – Сейчас другие времена ...»

«Для уважения одно время. Не мешай!» – огрызнулся майор.

У Гайанского, в зазеркалье, замерло сердце. Кто знает, на что способен этот тиран в облики учителя рисования? Вполне возможно, он передушит всех, одного за другим. Или расстреляет, как это ... замочит.

Но, дети оказались на удивление послушными. Только Шах шагнул в класс, дети встали.

– Здравствуйте, дети! – громким, командным голосом сказал майор.

Дети непонимающе молчали.

– Так! А здороваться вас тоже не учили? – офицер внимательно смотрел на всех, и на каждого. Эту способность развивает в себе каждый командир. – Считаем до двух и дружно произносим «Здравствуйте!». Раз, два ...

– Здравствуйте! – прозвучал нескладный хор детских голосков.

– Для начала неплохо. Повторим: раз, два.

– Здравствуйте! – хор звучал увереннее.

– Так. Теперь я выйду, и зайду.

Шах снова шагнул в класс, третий раз за сегодняшнее утро.

– Здравствуйте, дети!

– Здравствуйте! – почти одновременно пропели дети.

– Неплохо. Будем еще работать. Ладно. Итак, чем мы сегодня будем заниматься? Ты! –

Шах указал на Катю, светленькую, щупленькую девчушку.

– Мы будем рисовать, – неуверенно промямлил ребенок.

– Это понятно. Что мы будем рисовать?

Дети испуганно молчали. Шах сам ответил на свой вопрос:

– Мы будем рисовать Родину!

«Боже мой! – возмутился настоящий художник – Что вы делаете. Им по девять лет, какая родина?»

– Что такое Родина? Ты! – майор указал на худенького мальчика в очках, который нервно сжимал в руках кисточку.

– Я? – удивленно переспросил ребенок.

– Да, ты. Встань. Что такое Родина?

Мальчик медленно встал. Он растерянно смотрел по сторонам, надеясь на чью-то помощь. Напуганные одноклассники молчали.

– Фамилия? – строго спросил Шах.

– Порошеньюк, – дрожащим голосом прошептал мальчуган.
– Что, Порошеньюк, забыл, что такое Родина? Скажи еще, что ты и не знал.
Казалось, еще один вопрос, и ребенок заплачет. Птаха не наседал.
– Запомни, Порошеньюк, Родина это то, что тебя родило и растит. Родина дает тебе все. Все лучшее. Кормит, поит, воспитывает, учит. И любить ты должен только Родину, ей ты всем обязан. Запомни это, Порошеньюк. Все поняли, что такое Родина?

***

По такому же сценарию прошел и следующий урок.
«Совсем сырые, – охарактеризовал подопечных майор. – Разгильдяи были всегда, но разгильдяи с понятием. Эти же – никакие!»

«Это, дети, – парировал учитель. – Просто дети»

«Они что гнилыми родились?» – недоумевал Шах.

«Демократия, – равнодушно ответил Юрий. – Свобода. Человеческие ценности»

«Демократия?! А дисциплина? Тогда свобода для кого? Для быдла? Человеческие ценности? Какие? Пожрать, поспать? Какая-то помойная яма»

Гайанский понял: катастрофа неизбежна. И она случилось на последнем, послеобеденном уроке. После муштры со вставанием и приветствием, ставшим ритуальным, приступили к работе. Тут за окном послышался хруст кустов и в класс ворвался тяжелый запах угарного газа.

Шах подошел к окну и крикнул.

– Эй! Убрал машину. Живо!

Просьба осталось не услышанной. Раздраженно цыкнув, майор рывком махнул через широкий подоконник.

– Эй! Машину убери! – повторил он в опущенное стекло внедорожника.

– А, снова ты, дохляк. Я тебе что, прошлый раз плохо объяснил? – улыбка толстяка на водительском кресле напоминала оскал.

Майор открыл пассажирскую дверь и прыгнул в машину.

– Выходит что плохо, – ответил Птаха. – Повторишь?

– Пошел нахрен! Вышел из машины ... – начал толстяк, наклонив к Шаху все свое грузное тело.

В подвальном зеркале, Гайанский отчетливо видел, как наливаются кровью бычьей глазки владельца авто.

Тут, майор, резким, хлестким движением, врезал толстяку в горло, попав точно в кадык. Боров удивленно замер. Послышался хриплый, судорожный вздох. Птаха занес ладонь за затылок водителя и, без особых усилий, дважды стукнул его головой об руль. Нос толстяка превратился в кровавый свиной пятак.

– Теперь трогай, – спокойно приказал майор.

Толстяк, схватился за нос, пытаясь остановить кровь. Но инстинкт самосохранения вынудил его отпустить педаль тормоза.

Машина нехотя, минуя узкий газон, съехала на дорогу. Птаха открыл дверь. Боров, брызжа окровавленной слюной, прохрипел:

– Стоять!

Майор обернулся. В руках водителя блеснул выкидной нож. Длинное узкое лезвие, подрагивало в жирной ладони.

«Беги! – мысленно закричал перепуганный Гайанский. – Дверь открыта!»

«Ага, сейчас!» – усмехнулся офицер, и, подняв руки, сказал:

– Все, все. Сдаюсь. Твоя взяла.

Тут же левая ладонь майора оказалась на запястье с ножом, а правая, превратившись в кулак, нанесла два удара. Один пришелся уже в разбитый нос, второй в зубы толстяка. Птаха забрал нож из ослабшей руки борова. Разглядывая его, Шах сказал:

– Еще раз тебя здесь увижу, засуну его тебе в ... брюхо. По самую рукоятку. Понял?

– Да ... – прошепелявил толстяк.

Майор с сожалением посмотрел на жирдяя.

– Худеть тебе надо.

Шах наклонился к колесу. Резким ударом он проткнул покрышку. Послышался свист спускаемого воздуха. Тоже самое, он проделал с остальными колесами. Закончив, подошел к открытым дверям машины.

– Ну, бывай! И это. Детишек не обижай! – Птаха кинул нож на колени толстяка.

***

Глупость белоликих умиляла Бессонова. Все они были трусливыми, беспомощными, ограниченными и предсказуемыми. Толком никто ничего не умел делать. Все что у них получалось это разрушать. Даже создавая, они умудрялись разрушить гораздо больше. Желания, ненасытная жажда ослепляла этот народ, делала крайне уязвимыми. Он давно мечтал исполнить свой обет: уничтожить белолицых. Стереть всех до одного, тем самым дать шанс возродиться другим. И вот, наконец, после многих лет упорства такая возможность представилась.

Генерал разглядывал фотографию чернобородого мужчины. Обычное лицо, с большими темными глазами, узкий нос с горбинкой и короткие густые волосы. Головореза в нем, выдавало выражение лица. Высокомерный изгиб губ, еле заметный из-под бороды, небольшой шрам над левой бровью, холодный взгляд хищника. Бессонов видел уже такое выражение. В зеркале. В те далекие дни, когда он был в своем теле.

Казимов Абдулла Исламбекович – активный участник бандформирования, участник боевых действий. Причастен к серии терактов на территории сопредельных государств. Верный сподвижник Давуд Саида эль Шахина. По оперативной информации в их городе проживает гражданская жена Казимова, так сказать любовь юности, от которой, судя по тем же оперативным данным, имеется восемнадцатилетний сын.

– Алло, Олег, – сказал генерал в трубку, положив фотокарточку в папку, – Зайди ко мне.

«Обольщаться, конечно, не стоит, – размышлял генерал. – Тропка совсем худая. Может, и нет никакой тропки, а просто пролысина».

В дверь постучали. Генерал, по примеру своих высокопоставленных коллег, давно подумывал завести секретаршу, но таежная привычка не позволяла пускать кого-то в свой аланчик. Даже близко подпускать никого не хотелось.

– Да, – буркнул Бессонов.

Дверь отварила. В кабинет вошел невысокий, крепкий мужчина в мятом темном костюме, и, не произнеся ни слова, обыденно прошел за стол совещаний.

– Слушаю, Семён Гаврилович, – он раскрыл ежедневник для заметок.

– На, почитай, – генерал плюхнулся перед подчиненным досье, которое минуту назад внимательно изучал сам.

Олег открыл папку и начал читать. Через несколько секунд вопросительно посмотрел на генерала:

– Это же конторский клиент?

– Ты знаешь, эти умники только языком трепать умеют. Всю работу делаем мы. На этот раз надо заставить их поделится орденами.

– Без проблем, – согласился майор. – Выставлю толковых людей и, если появится ...

– Стой. Не спеши, – Бессонов разочарованно цокнул языком. – Учю, учю вас, а вы все в толк не возьмете. С конторой в лоб нельзя. Наверняка они уже своих поставили. Тут надо подругому. Такого зверя как этот ... – генерал потянулся взглядом за папкой, ища подсказку.

– Казимов Абдулла Исламбекович, – подоспел на помощь Олег.

– Да. Этого Казимова из засады не возьмешь. Его надо загнать под выстрел. Понимаешь?

Олег кивнул. Бессонов говорил медленно, тщательно подбирая каждое слово, и проговаривал их не спеша, вдумчиво, будто вдыхая жизнь и наполняя смыслом излагаемые мысли. Подчиненные привыкли к его манере говорить и жадно впитывали каждое слово. Шаман знал цену словам, заставляя собеседников, проникнуться содержанием сказанного.

– Дернуть из берлоги. Что скажешь?

Олег, недолго подумав, открыл досье и сверил свою догадку. Утвердительно кивнул головой, сказал:

– Сыну восемнадцать. Наркотики, оружие?

– Нет. Много возни. Да и шум по всему управлению. Сыграй на гормонах. По позорной статье. Авторитетному отцу сын насильник не в масть. На нарах. Должен клонуть.

– А если не клонет?

– Не клонет, значит сядет сынок.

– Принято. Оформляем по полной.

– Да. Но учти. Этот Казимов, хоть и матерый, но волк. Падальщик. Мне нужен медведь.

Олег снова углубился взглядом в досье. Генерал ему не мешал. Он давно приметил этого прыткого, сообразительного белолицего. Он даже думал именно в него, в Олега, переселить свою шаманскую душу, когда тело Бессонова совсем состарится.

– Кто именно? – спросил майор. – Тут несколько фигурантов, подельники, спонсоры ...

– Главный, – перебил его генерал.

– У! – вырвалось у Олега. – Саида эль Шахина полмира ищет. Куда нам?

Семён Гаврилович пристально смотрел на подчиненного. Его взгляд причинил неосторожному подчиненному, чуть ли не физическую боль. В итоге майор не выдержал.

– Я понял, товарищ генерал. Будем работать.

– Олег, – не меняя выражение лица, сказал Бессонов. – Организуй мне встречу с Казимовым.

Глава 4

Шах негромко постучал в дверь. За спиной он прятал наспех сорванный под окнами благоухающий букет сирени.

– Да, – услышал он звонкий голос Светланы Борисовны.

– Светочка, я к тебе, – лицо Гайанского расплылось в сладкой улыбке. – Вот.

Он достал букет. Бело фиолетовые ветви моментально наполнили душный кабинет ароматами весны.

– Есть куда поставить? – спросил он, не давая женщине опомниться.

– Гайанский, как это понимать? – возмутилась директриса.

В голосе лязгали металлические нотки, а лицо выражало разом раздражение, гнев и протест. Но наметанный глаз оперативника и знатока женских заморочек, заметил на ее лице пробежавшую тень улыбки.

– Убери немедленно. Вечером Маше отнесешь, – продолжила Светлана.

– Какой Маше? – искренне удивился Птаха. Он себе даже представить не мог, что малахольный художник, в теле которого он сейчас пребывает, мог быть женат.

– Гайанский, не прикидывайся. Вчера ты чуть ли не в петлю лез, а сегодня не можешь вспомнить. Оставь эти понты.

– Какие понты? – майору было невдомек слышать от директора художественной школы зековскую феню.

– Так! Все, – потеряла терпение директриса. – До свидания. Топай домой.

– Я, как бы, уже дома, – снова улыбнулся Шах.

– Да? – растерялась Светлана Борисовна. – А, ну да.

Заразившись доброй, по детской наивной улыбкой Шаха, женщина непроизвольно улыбнулась в ответ. Неожиданное внимание мужчины было безумно приятным. За годы брака она успела от этого отвыкнуть.

Светлана попыталась скрыть свою секундную слабость. Она уткнулась в лежавшие на столе документы, делая вид, что внимательно читает методологический план третьего класса. Этот жест окончательно выдал ее смущение, чем майор не преминул воспользоваться.

– Куда букет пристроить?

– Что? – серьезным тоном спросила директриса. – Кинь на стол. Тетя Рая придумает что-то.

Птаха аккуратно положил букет на край стола.

– Света, может, сходим куда-то? В кино там, или в ресторан? Не знаю, где сейчас принято на свидания...

– Какое свидание, Гайанский? – начальница раздраженно бросила документ на стол. – Ты женат, я замужем. Брось эти глупости!

В голове он услышал крик Гайанского: «Ведешь себя как подросток. Позор! Ты хоть знаешь куда лезешь?»

– Света, я же так, пообщаться, – сказал Шах, пытаясь не обращать внимания на протесты художника запертого в зазеркалье. – Я же вижу, дома не все в порядке. Ты, шикарная женщина ...

– Не твое дело, – перебила его женщина. Она произнесла эти слова медленно, чуть ли не по слогам, вложив в каждый звук нескрываемую ярость.

– Извини, я не прав, – попробовал Птаха, понимая, что момент упущен и его шансы упали до нуля. По крайней мере, на сегодня.

– Пошел вон, – не меняя интонацию, прошипела Светлана, но взяв себя в руки, добавила своим обычным голосом. – Ты свои проблемы реши.

– Ладно, – сказал мужчина, примирительно выставив перед собой ладони, и пятясь к дверям, – я понял. Еще раз извини. Но, знай: ты мне не безразлична.

Он вышел и быстро закрыл за собой дверь, понимая, что Светлана снова разозлится.

«Куда ты вообще полез с этим букетом? Она респектабельная, замужняя дама ...» – услышал Шах в своей голове.

«Заткнись!» – ответил майор.

«Вот это нахальство! – возмутился Гайанский. – Забрал мое тело, портишь мне репутацию, еще и рот закрываешь!»

Майор промолчал, пытаясь контролировать свою реакцию на истерики малахольного. Гайанский расценил это как маленькую, но победу, продолжил.

«Она замужем, и муж у нее ... – голос в голове стих, художник подбирал формулировку. – Короче, про таких говорят, как за каменной стеной»

«Ну и что? – мысленно спорил с ним Шах. – Я же вижу, она несчастна».

«С чего ты взял? Да, муж ее постоянно на работе. Да, пару раз орал на нее здесь, в школе ...»

«Как орал?» – встревожился Птаха.

«Так. Орал. Что-то она там ... короче не знаю. Но орал он так, что стекла вылетали. И коровой, и дурой называл. Говорит: «Мозгов как у клочки». А другой раз так дернул ее за локоть. Она с лестницы чуть не полетела»

«А вы что? – возмутился майор. – Неужто, некому было за женщину заступиться?»

«Ага, с ним только свяжись. Да и нравится ей это. Наверно. Иначе бы ушла»

«Может, боится. Может если бы кто заступился к тому бы и пошла»

«Да ну, брось. Она мужа своего любит. На другого не посмотрит»

«Не разбираешься ты, малахольный, в женщинах. Давай так: если она сирень в школе оставит, значит с ней все в порядке, и я теряю к ней интерес. Если нет, то ... короче, сам понимаешь»

«В порядке у нее все. И зачем ей твой веник?» – мысленно удивился художник.

Вечером, закрывая парадную дверь школы, они наблюдали, как Светлана Борисовна садится в подъехавшую Шкоду. Из фирменной сумки Балдини торчали ветки сирени.

***

Птаха с любопытством и тревогой наблюдал, как Светлана садится на переднее сиденье легковушки. Красивая, обаятельная женщина покорила судьбе. Даже не судьбе – привычке. Когда-то этот человек, который сейчас был ее мужем, чем-то ее покорила, очаровал, околдовал. Но это оказалось обманом, или самообманом. Так или иначе, она, определенно, была несчастна.

Ему бросились в глаза номерные знаки авто.

«Что это за номера такие?» – мысленно спросил он художника.

«Так это муж за ней приехал! Я же говорю: куда ты лезешь?» – ответили тот из подвала.

«А кто у нас муж?» – поинтересовался майор.

«Полицейский. И не простой. Вроде, зам. самого, – ответил учитель. – Не лезь, слышишь, я тебя прошу. Ты знаешь, что он может с тобой, то есть со мной сделать?»

Шах ничего не ответил. Он прикидывал открывающиеся перспективы. План действий обретал более-менее различимые контуры. Как бы ему не хотелось впутывать посторонних, и не просто посторонних, а симпатичных ему людей, интуиция подсказывала, исполнить все чисто не получится. Тем более в такие короткие сроки.

От тяжелых мыслей его отвлек резкий скрежет тормозов. Между входом в школу и сквериком, откуда накануне полицейский экипаж разогнал припозднившихся шалопаев, остановился пижонский внедорожник. Майор узнал его сразу.

– А, вот и любитель ездить по газонам, – сказал он вслух. – Не понятливый оказался.

Из машины вышли трое: лысый здоровяк в черной куртке, долговязый блондин, стриженный ежиком, и, толстячок собственной персоной. У последнего, и без того толстое лицо, распухло. От разбитого носа под глаза пошли синяки, от чего он стал похож, и фигурой и лицом, на японского борца тяжеловеса. Переносица была скрыта под повязкой из пластыря.

«Майор! – умолял из подвала Гайанский. – Звони в полицию! Пока они нас не покалечили!».

Птаха ничего не ответил. Он открыл дверь, и вышел навстречу троице.

– Старый знакомый! – приветливо крикнул он толстяку. – Мы вроде как договорились ...

– Ни о чем мы не договаривались, утырок, – огрызнулся толстяк.

Шах подошел к ним. Увидев решительность мужчины, белобрысый вернулся к машине, открыл багажник, и еще раз кинув на Птаху оценивающий взгляд, достал биту.

– Брось, Котя, мы его и так сделаем, – обратился к нему лысый, натягивая на руку свинцовый кастет.

Блондин не послушал приятеля, лихо закинув на плечо биту.

– Зря вы за толстого вписываетесь, – сказал Птаха. – Не правильно по клумбам ездить. И детишек газом травить, не правильно.

– Слышь, дохляк, детишек своих учи, что правильно, что не правильно. Ты вообще в курсах на кого наехал?

– Ага, – ответил Шах. – На толстого баклана.

– Так, пацаны, стремайте дохлого, – приказал боров.

Лысый, стоявший справа от толстяка, замахнулся, целя майору в голову. Шах присел, отвел корпус влево, и нанес лысому короткий прямой удар в живот. Тот захрипел, пытаясь восстановить дыхание. Не давая им опомниться, майор широко шагнул и оказался почти за спиной у толстяка. Резким движением от бедра, Шах приложился ступней в тыльную часть толстого колена. Боров моментально упал на колени. Настала очередь белобрысого, который растерянно смотрел на происходящее, забыв про биту. Птаха, наступив на плечо толстяка, оттолкнулся, и коленом угодил точно в челюсть владельца биты. Что-то противно хрустнуло, и оба упали на асфальт. Птаха кувыркнулся. Через мгновение он уже стоял на ногах. Толстяк тоже попытался встать, но получил ногой по ребрам. Тем временем бритоголовый пришел в себя. Разминая пальцы в кастете, он стал в стойку и приготовился к бою. Шах оценил подготовку лысого, и не стал боксировать с ним по-джентельменски. Сделав обманный выпад левой, он удостоил соперника хлестким ударом в пах. Выругавшись, лысый повалился набок, крепко сжав ушибленное место.

Гайанский не видел драку. Когда все началось, он отвернулся от зеркала и крепко зажмурился. Теперь же, услышав матерившегося врага, открыл глаза и взглянул на экран зеркала. Троица валялась на асфальте.

– Что мне с вами делать? – спросил сам у себя Птаха, подбирая выроненный толстяком уже знакомый нож.

Немного подумав, решил:

– Ну, на дворе не сорок второй, пленный вроде как берем.

Разоружив белобрысого, он подошел к лысому с битой на перевес:

– Сладких снов, – коротко замахнувшись, Шах опустил биту на лысую голову.

Постукивая дубиной по ладони, майор приблизился к двум другим.

– Сами пойдете или как он?

– Пша пша бша, – пробубнил белобрысый.

– Нет, дружище, больнички не будет, – ответил Шах. – Или подвал, или морг. Выбирай.

Толстяк, все еще задыхаясь, неуклюже встал. Белобрысый последовал его примеру.

– Вперед, – приказал майор.

Птаха повел их в подвал. Подбадривая толстяка легкими пинками под ребра, они прошли по вестибюлю и спустились вниз. Длинный шел первым. Судя по всему, он был самым миролюбивым в этой троице. Выбитых зубов ему хватило для полной и безоговорочной капитуляции. Толстый же все время останавливался, пытаясь протестовать. Но тычки битой имели свое действие. Заперев их внизу, Шах вернулся за лысым. Первым делом он снял с его руки кастет, и выкинул в кусты.

– Эй! Причесанный, вставай. Яйца сильно припухли, идти сможешь?

Владелец черной куртки рассеяно смотрел по сторонам, приходя в сознание.

– Давай, двигай поршнями, – поторопил его майор.

Лысый неохотно встал. Шах не сильно пнул его под ребра и тот побрел к школе. Оказавшись в холле, лысый спросил:

– Чё за беспредел? Ты в курсах, ответить придется?

– Отвечу, не переживай. Давай, топай.

– Куда?

– Вниз ...

В этот момент лысый принял решение. Посчитав, что настал подходящий для побега момент, он плечом толкнул майора и рванул по коридору в сторону классов.

– Да что ж ты будешь делать? – выругался майор.

За долю секунды рассчитав расстояния до угла и учтя скорость бегущего, Шах метнул битую, как раз в тот момент, когда лысый поворачивал за угол. Дубина пролетела по дуге и врезалась аккуратно в правое колено пленного. Снова выругавшись, он растянулся на недавно вымытом полу.

– Пряма как дети! – майор подошел к лежащему. – Давай, поднимайся. Следующий раз сломаю тебе что-то.

Пристроив пленных в камеру, Шах подошел к умывальнику и тщательно вымыл руки.

«Что ты творишь?» – услышал он голос учителя, а подняв глаза, увидел его в зеркале.

«Справедливость!»

«Они могли тебя убить. То есть, меня. Меня убить!» – эмоции переполняли испуганного художника.

«Да ну, брось, – ответил майор. – У этих не было шансов. Шпана»

«Но, их же будут искать?» – паниковал Гайанский.

«Конечно, будут. Но не найдут. Или найдут. Я пока не решил, – спокойно ответил Шах. – Да не дрейфь ты, все нормально. Сейчас машину отгоню подальше и все»

«А ты про мобильные телефоны слышал?» – язвливо спросил учитель.

«Если ты про эти штуки, – Птаха кивком указал на табурет, на котором лежали три стопки: телефоны, бумажники, ключи и прочая мелочь, – то теперь буду знать. Да не ссы ты, не пальцем деланный»

Отряхнув одежду, Шах сказал:

«Все. Я пошел. И это, малахольный, никуда не уходи!» – засмеявшись над собственной шуткой, Шах ушел.

***

Перед майором Савицким сидела немолодая, ухоженная женщина. Он специально вызвал ее не в министерство, а сюда в районное управление. Держалась дама молодцом. Не хныкала, не скулила. Напряжение в ней выдавало только непроизвольное теребление носового платка в руках.

– Галина Сергеевна? Если не ошибаюсь, – въедливо спросил Олег.

Женщина кивнула.

– Как так, Галина Сергеевна? Вроде нормальная, благополучная семья, и тут такое ... насилие.

– Мой сын не мог! – взорвалась женщина. – Он не мог так поступить! Он не маньяк, не ...

– Шшш, Галина Сергеевна, успокойтесь. Никто не говорит что ваш сын маньяк. Просто оступился, ошибся. Дело молодое, гормоны. Кто мог знать, что девица такая принципиальная.

Говоря это, майор про себя усмехнулся. Этой «принципиальной» девицей управление уже не первый месяц затыкала самые разные бреши. Обычная индивидуалка, попала на рейде с кумаром на кармане. Да и проституткой ее не назовешь. Обычная студентка. Просто, когда нужны были деньги на шмотки, на мобилы и прочую шелуху, снимала кого-то в интернете. В тот раз попала под облаву, да еще и с коробочкой травы. Максимум что грозило штраф и взбучка от родителей, но Олег развел ее по полной. Сделал одолжение, не оформил, а за это девулька помогала доблестной милиции. Иногда понятая, иногда подсадная, иногда по прямому назначению. Вот и сейчас пригодилась. Познакомилась с пареньком. Клуб, танцы, коктейли. Потом на хату с ночевкой, без презерватива, со страстью, со следами и уликами. А в пять утра истерика, полиция, экспертиза. Короче, классическая схема. Позорная статья – от трех до пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.